

Пролог

Ночь в начале зимы выдалась мгlistая, сырая, холод пробирал до костей. В мутном небе луны не разглядеть, свет от горевших у ворот факелов высвечивал то сруб околывратной башни, то лошадиный помет на истоптанном снегу двора, красноватыми бликами падал на столпившихся у ворот стражей в клепаных островерхих шлемах.

В такие ночи нести сторожевой дозор — не самое милое дело. Однако на этот раз охранники не дремали, опершись на копья, не поругивались в бороды, ворча на холод да нерадостную службу. Наоборот, оживленно обсуждали:

— Что же такое это в хоромине делается? Отчего там шумят?

В самом деле, со стороны видневшихся среди тьмы построек доносились голоса, громкие, обиженные, а потом кричать кто-то начал, словно били. Мелькнул свет, стукнуло тяжелой дверью. По ступеням крыльца на двор скатился человек, застонав приглушенно.

Дворовые цепные псы так и зашлись лаем, рвались на привязи. Стражи замерли, наблюдая.

Из терема долетел гневный крик:

— Вон убирайтесь! Все вон! Чтобы духу вашего поганого тут больше не было!

Это был голос самого князя Глеба. Стражники переглянулись. Отчего это их спокойный, даже смиренный Глеб так разошелся в ночную пору?

От построек опять послышались крики:

— Бога побойся, княже! За что обиду нам творишь? Креста на тебе нет.

— Да пошли вы с вашим... С вашим крестом!..

Князь самолично появился на крылечке: высокий, худой, свободная рубаха съехала наискось.

— Убирайтесь! И благодарите своего распятого, что еще псами не велю вас травить!

Даже не кликнув челядь, князь сам вцепился в державшего за створку двери человека в длинной черной одежде, отодрал от дверного косяка и вытолкнул взащей туда, где еще постанывал на снегу первый.

Стражники у ворот удивились:

— Неужто это Глеб христиан своих изгоняет?

В такое и поверить трудно, если вспомнить, как прежде тут христиан привечали, какой почет им князь оказывал, как молился перед привезенной иноземцами иконой, поклоны бил. Ныне же гонит. Сам гонит...

На галерее хоромины замелькал свет факелов, появились челядинцы князя, тоже тащили упирающихся людей в длинных черных одеяниях. Кое у кого слабо светлели большие кресты на груди. Всклокоченные, в сползших на лица островерхих куколях, изгоняемые, оставив обычную сдержанность, вопили, сопротивляясь. Князь собственноручно столкнул еще одного с крыльца, выпихивал следующего. Челядь хохотала, кому-то из христиан дали в зубы — тот только покатился по ступеням под гогот собравшихся.

Христианских миссионеров было семеро, все больше иноземцы, пришедшие на Русь проповедовать о сыне плотника, оказавшемся истинным Богом. К их рассказам прислушивались с интересом, хотя не слишком привечали. Зато князь Глеб поддался речам проповедников, даже крестился, обещал и церковь христианскую в Новгороде поставить. Но чтобы так вдруг...

— Это чародейка его подучила, — догадался один из охранников, указав рукой в варежке на появившуюся на крыльце высокую девку. Та довольно улыбалась, теребя переброшенные на грудь длинные светлые косы.

— Ее происки, не иначе. Однако нам-то что? Князь гонит — нам отворяй ворота.

Стукнули засовы, скрипнув в пазах.

А князь Глеб все лютовал:

— Чтoб ноги вашей у меня не было! Я и из Новгорода велю вас гнать. Чтoб не поганили больше словенский край, морок да беду на люд не насылали.

Один из христиан, высокий иноземец с длинной черной бородой, шагнул было к князю, заговорил с заметным акцентом:

— Мы разумеем, что не своей волей действуешь, раб Божий Глеб. Обморочили тебя да одурманили. Ничего. Наше святое дело не пропадет. Рано или поздно чары спадут. Мы же молиться за тебя будем.

Под злобные выкрики, глoхнувшие среди собачьего лая, христиане отходили к воротам. Сам князь их гнал, мечась от одного к другому, выталкивая в шею. А тут еще светлокосая девица с крыльца громко захохотала. И такое злорадное торжество было в ее голосе, так пронзителен был ее смех, что некоторые челядинцы стали делать охранительные знаки, хвататься за обереги.

— Ведьма! — произнес кто-то в голос, да так, что и другие услышали.

А бородатый христианин даже шагнул к ней, уворачиваясь от князя.

— Да падет на тебя проклятие, чародейка! Да оставят тебя все, кто тебе дорог, да познаешь ты беды и гонения...

Больше сказать ничего не успел, ибо князь неожиданно ударил его кулаком наотмашь. И с такой силой!.. Откуда и взялась-то она у тщедушного Глеба?

Князь стоял над поверженным миссионером, потрясая кулаками.

— Молите своего Бога, что я еще добр. А не то... Не убежитесь через миг — всех велю порешить! Клянусь в том Перуном¹ могучим!..

¹ Перун — языческий бог древнего славянского пантеона, громовержец и податель воинской удачи.

Сказано это было так твердо, что христиане уже не мешкали. Причитая и всхлипывая, выходили в темную ночь из полураскрытых ворот.

Князь еще стоял посреди двора, тяжело дыша. Потом медленно повернулся, посмотрел на светлокосую чародейку. Люди отошли от нее, она стояла одна, освещенная светом факелов, — статная, с ниспадавшей на темные очи длинной челкой. Князь же глядел на нее не отрываясь.

— Любо ли тебе все это, душа моя? Все по твоей воле, все как скажешь.

Голос у князя, еще прерывистый после недавнего волнения, звучал умоляюще. И люди отводили взоры, отступали, словно стыдясь видеть, как их господин заискивает перед этой... Да и кто она? Откуда взялась-то?

— Полюбишь ли меня теперь? — молил Глеб.

Но та и бровью не повела, устремив взгляд туда, где за последним из христиан охранники захлопывали створку ворот, вбрасывая в пазы тяжелый брус. В свете мечущихся огней было видно ее лицо, блеснули в улыбке зубы. В глазах же... Люди потом поговаривали, что желтым отсветом сверкнуло в темной глубине ее глаз.

— Любить тебя, Глебушка? Поглядим, поглядим. Ибо еще не все дела мои окончены.

И пошла в глубь хоромины среди опасливо расступавшейся челяди. На понуро шедшего за ней князя Глеба больше и не глянула.

ГЛАВА 1

944 ГОД

Новгородское вече — это нечто особенное. Студневый¹ морозный воздух, толпа на площади, возбужденные споры, выкрики, толчея. Городские бирючи² то и дело принимаются стучать в било, призывая народ к порядку, однако общее оживление, возможность показать себя да высказать свои чаяния заводили толпу, и люди шумели, чего-то требовали, отталкивая один другого, чтобы ближе протиснуться к вечевой степени³, где стоял прибывший в Новгород великий князь Руси Игорь Рюрикович.

Князя окружали бояре и старшины городских концов.

— Видишь, княже, каково дело тут, — говорили они. — Давно бы тебе следовало явиться в свою северную столицу да разобраться, что к чему. А то народ совсем ошалел от самоуправства.

Стоявший немного позади Игоря воевода Асмунд поглядывал на князя с опаской. Не нравилось ему спокойствие князя. Асмунд еще со времен Олега Вещего знал Игоря, знал его натуру: не в гневе он страшен, а когда вот так спокоен

¹ Студень — январь.

² Бирюч — чиновник, в обязанности которого входило объявлять народу приказы властей; глашатай.

³ Вечевая степень — возвышение на площади, откуда произносили речи.